

Белых Е.Л.,
канд. ист. наук, профессор, зав. кафедрой общей и
прикладной политологии ФГБОУ ВПО «Орловский
государственный университет».

Институциональное измерение российской модернизации Часть 1.

В статье анализируются проблемы и задачи институционального обеспечения российской модернизации. Особое внимание автор обращает на необходимость внимательного изучения и переосмысления опыта предшествующих модернизационных попыток. Реформы «великого десятилетия» Н.С. Хрущёва характеризуются автором как «незавершённая модернизация социализма». Автор приходит к выводу о том, что главной причиной этой незавершённости стал не столько известный «волюнтаризм» реформатора, сколько его вполне тоталитарный подход к реформам, отказ от какого-либо, достаточно эффективного, институционального их обеспечения. В основном с теми же причинами, с нежеланием и неспособностью опереться на эффективно работающие структуры гражданского общества связывается неудача горбачёвской «перестройки», как ещё одной попытки модернизации социализма. Значительное место в статье занимает анализ наиболее существенных просчётов, допущенных реформаторами «первой волны» на первом этапе демократического реформирования. Автор предлагает также своё понимание некоторых особенностей современного политического режима РФ в их соотнесённости с общей стратегией модернизации и её результатами. Подчёркивается необходимость общероссийского консенсуса в отношении методов и конечных результатов сегодняшней модернизации.

Ключевые слова: модернизация; реформа; институциональное обеспечение; «делегативная демократия»; «ручное управление», «вертикаль власти», общественный консенсус.

Belykh Eugene,
Candidate of history, Associate professor, Head of the Department of General
and applied Political Science of science Orel State University

The institutional dimension of Russia's modernization Part 1.

The article analyzes problems and tasks of institutional support of Russia's modernization. Particular attention is drawn to the need for careful consideration and reconsideration of the experience of previous modernization. Reforms of the "great decade" N.S. Khrushchev are characterized by the author as a "incomplete modernization of socialism". The author thinks that the main reason of this situation was not only famous "voluntarism", but the totalitarian approach to reform, his

failure of effective institutional support of Russia's modernization. The failure of Gorbachev's "perestroika" is linked with the same reasons such as unwillingness and inability to rely on the civil society structures. Significant place in the articles devoted to the analysis of the most significant blunders committed reformers "first wave" of the first stage of democratic reforms. The author also offers his understanding of some features of the modern political system of the Russian Federation in the correlation with the overall strategy of modernization and its results. The author claims the need for nation wide consensus on the method and outcomes of today's modernization.

Keywords: *modernization; reform; institutional support; "Delegated democracy"; "Manual control", "vertical of power", the public consensus.*

Подвергая беспристрастному анализу достигнутые результаты инициированной сегодняшней российской властью модернизации, стремясь разобраться в механизмах и технологиях её «торможения», мы обращаемся к опыту наших прошлых модернизационных попыток, предпринимавшихся в рамках социалистических общественных отношений с целью придания нашему советскому социализму «человеческого лица» путём его демократизации. Уяснив причины неудачи этих попыток, мы можем в значительной мере уменьшить риск сегодняшнего повторения ошибок, допущенных нашими социалистическими реформаторами.

Первым «модернизатором» социализма по праву считают Н.С. Хрущёва. Почему его реформаторство остановилось на разоблачении сталинского культа, не пошло дальше рассказанной народу правды о сталинских репрессиях и реабилитации их жертв? Почему так бесславно закончилось «великое десятилетие» Н.С. Хрущёва, породившее на старте действительно великие надежды? Причины той неудачи (которую можно охарактеризовать как незавершённость модернизации социализма) были достаточно убедительно проанализированы – по социалистическим критериям – ещё во второй половине 80-х гг., когда после многих лет «застоя» осознание необходимости глубоких качественных реформ реанимировало общественный интерес к реформаторскому опыту Н.С. Хрущёва. Этот опыт умышленно замалчивался или тенденциозно критиковался в период последующего правления нашей советской «геронтократии», отринувшей какие бы то ни было реформы и взявшей курс на «стабилизацию».

Хрущёвские реформы 60-х гг. захлебнулись не только из-за его «волютаризма». Обеспечению надёжных гарантий против возможного повторения режима неограниченной личной власти помешала ограниченность политической культуры самого Хрущёва и его ближайшего окружения, представлявшего тогдашнее поколение руководителей. По весьма компетентной оценке Ф.М. Бурлацкого, то была «во многом патриархальная культура, почерпнутая из традиционных представлений о формах руководства в рамках крестьянского двора. Патернализм, вмешательство в любые дела и

отношения, непогрешимость патриарха, нетерпимость к другим мнениям – всё это составляло типичный набор вековых представлений о власти в России» [2].

Пожалуй, ещё более важная ошибка Хрущёва, предопределившая провал его грандиозного по замыслу реформаторского проекта, состояла в том, что он как инициатор и «мотор» обновления социализма в том, что касается как самой концепции реформ, так и путей их осуществления, полагался на традиционные командно-административные и бюрократические методы. «Бренд» Н.С. Хрущёва как «тоталитарного реформатора» вполне закономерен. Самоуверенно рассчитывая на скорый успех задуманных им реформ, он уповал, с одной стороны, на «объективно присущие социализму преимущества», а с другой – на командно-административный ресурс партийно-государственной власти. Не удивительно, что даже в самый «разгар» реформ, на пике реформаторской активности Хрущёва советская номенклатурная элита полностью сохраняла не только свои привилегии, но и возможность неограниченного и неконтролируемого влияния на общественно-политические процессы в стране. Давая всевозможные «реформаторские» поручения министерствам и ведомствам, он даже не мог предположить, что управленческий аппарат найдёт способ уклониться от любых контрольных проверок и не допустить сколь-нибудь существенного ограничения своей бюрократической власти. О каком-либо институциональном обеспечении реформ, о создании эффективных механизмов их проведения и гарантий их необратимости вопрос даже не ставился и не обсуждался. При этом «дремлющий» потенциал общества никак не был задействован, «обновление» понималось как своего рода «подарок» коммунистической власти советскому народу. Гласность как непременный атрибут демократизации практически отсутствовала, ни о какой свободе слова и информации не было и речи. Столь любимые Хрущёвым и часто проводившиеся «встречи с народом», совещания по самым разным поводам и с большим количеством участников, а уж тем более парадные пленумы ЦК и партийные съезды с их «единодушным одобрением» не могли заменить эффективно работающих демократических механизмов. Деструктивно влияли на реформаторский процесс неоправданная торопливость, недостаточная продуманность предполагаемых преобразований, «гоночный» темп, заданный советским лидером, что вполне соответствовало амбициозности и самоуверенности его натуры.

В довершение ко всему сказанному, разоблачитель сталинского культа не смог противостоять искушению воссоздания такого культа уже применительно к его собственной личности. Пагубным следствием этой его «человеческой слабости» стала его политическая «слепота», неспособность отличить истинных своих сторонников от «придворных» льстецов, делающих карьеру на восхвалении «нашего Никиты Сергеевича». Поэтому в его ближайшем окружении преобладали именно льстецы, преуспевшие в искусстве поддакивания лидеру, а не профессионалы, к которым он относился с плохо скрываемым недоверием и даже неприязнью из-за их независимой позиции и нежелания присоединяться к общему хору славословий.

Всё это вместе взятое предопределило и бесславное завершение политической карьеры самого реформатора, и конец той «оттепели», которая в нашем сознании до сих пор ассоциируется с его именем. По образному определению Мао Цзедунa – главного оппонента Хрущёва – советский лидер ходил на двух разных ногах: одна смело шагала в новую эпоху, а другая безнадёжно застряла в тине прошлого [3, С.18].

Гораздо более удачно протекал процесс реформирования социализма в тех странах (Югославия, Венгрия, КНР), где реформы осуществлялись на строго научной основе «командой» специалистов – профессионалов, а не бюрократическим аппаратом. Если же выйти за пределы только социалистического реформирования и обратиться к опыту капиталистических государств, то в первую очередь следует вспомнить о том, что оба послевоенных «экономических чуда» – немецкое и японское – смогли состояться не в последнюю очередь благодаря их научной, интеллектуальной проработке коллективами учёных под руководством профессоров Эрхарда и Охито.

Следующая модернизационная попытка в рамках социализма, инициированная М.С. Горбачёвым и вошедшая в нашу советскую историю под брендом «перестройка», захлебнулась не только и не столько в силу известных личностных особенностей её инициатора, но прежде всего по той же самой причине, по которой хрущёвская «оттепель» не стала «весной», а завершилась очередным «похолоданием». «Перестройка» институционально никак не была подкреплена, общественный потенциал не был задействован. Роль главной движущей силы задуманных общественных преобразований отводилась, опять-таки, властвующей партийно-государственной элите. Но, усмотрев в замыслах Генсека угрозу своего отлучения от властной «кормушки», элита без всяких переворотов и «майданов» спустила перестройку на тормозах, выбрав более предпочтительный для себя вариант отказа от социализма в обмен на сохранение своей власти и номенклатурную приватизацию государственной собственности. Этот судьбоносный выбор тогдашней советской элиты фактически нейтрализовал позитивное влияние горбачёвской «гласности», впервые за все советские годы превратившей привычный для тоталитарных систем односторонний монолог власти в её взаимодействии с обществом в двустороннюю коммуникацию, т.е. в некое подобие диалога между ними.

Ситуация начала 90-х гг. кое в чём напомнила 60-е и 80-е годы, несмотря на диаметрально противоположный вектор проводимых общественных преобразований. Начатая на рубеже 80-х – 90-х гг. рыночно-демократическая реформа проводилась традиционным для всей нашей предшествующей истории «верхушечным» способом, преимущественно «сверху», новой правящей элитой, в составе которой оказалось до 75 % прежней советской номенклатуры. По данным известного советского и российского социолога Ж.Т. Тощенко, в акциях в поддержку реформы в конце 80-х – начале 90-х гг. участвовало не более 2 % населения СССР. При этом невозможно не обратить внимания на интересное «совпадение» в концептуальных установках наших реформаторов «первой волны» и самых правоверных марксистов. И те, и другие приоритетное

значение для понимания сущности любой общественной системы придавали характеру собственности на средства производства. Главное – поменять форму собственности на противоположную, а всё остальное само собой устроится, не эффективная экономика в одночасье станет высоко эффективной, рентабельной, конкуренто-способной и т.д. – такова прямолинейная логика преобразователей общественной системы – в любую сторону. В полном соответствии с такой установкой созданный при правительстве РФ Комитет по управлению государственным имуществом во главе с А. Чубайсом приступил к тотальной приватизации бывшей государственной собственности.

Коммуникация «власть – общество» вернулась в традиционное для России одностороннее русло. Общество слушало и слышало власть, но власть не слышала общество, потому что не слушала, потому что отсутствовали механизмы «обратной связи». Поворот к диалогу, сначала медленный и робкий, в чём-то напоминающий «движение квадратного колеса», а потом всё более уверенный и эффективный, произошёл в начале 2000-х гг. и, видимо, не случайно совпал со сменой верховной власти в стране. Сегодняшняя власть стремится постоянно «держать руку на пульсе» общественной жизни, сверяя свои действия и принимаемые решения с общественными настроениями. Для этого задействованы такие, не имеющие аналогов в нашем прошлом, институты и механизмы, как Общественная палата при Президенте РФ, массовая общественная организация «Народный фронт», регулярно проводимые пресс-конференции Президента РФ, ответы Президента на вопросы граждан в прямом эфире («горячая линия»), общественные приёмные партии «Единая Россия» и главы правительства во всех субъектах Российской Федерации. Конечно, утверждение об их максимальной эффективности было бы, на наш взгляд, несколько преждевременным. (Так, например, деятельность «Народного фронта» пока реально не вышла сколько-нибудь существенно за пределы электоральной поддержки партии власти). Но, тем не менее, следует признать, что положено начало продуктивному, равноправному, обоюдно полезному и постоянному (не приуроченному к каким-либо знаменательным событиям или датам) диалогу власти и общества. В этой связи позволим себе высказать осторожный оптимизм в том плане, что за этим многообещающим началом последует ещё более убедительное продолжение, и процесс модернизации станет необратимым.

Сегодня мало кто может усомниться в том, что причины пресловутого российского политического абсентеизма коренятся не в загадках «русской души» («умом Россию не понять»), а в многовековой традиции эгоизма российской государственной власти, её безразличия к не придуманным, а действительным нуждам народа. Поломать эту традицию – задача, конечно, не из лёгких, и не всё здесь зависит только от власти, но, как гласит известная восточная мудрость, «любая тысяча шагов начинается с первого шага».

Первостепенную важность для успеха модернизации представляет консолидация российского общества, достижение общественного консенсуса в отношении её целей и приоритетов. В последнее время об усилении сплочённости, укреплении единства и, как следствии, повышении рейтинга

Президента, много говорят и пишут политологи, социологи, политические обозреватели и т.п. 4 ноября 2014 г., в День народного единства торжественное шествие по центру Москвы: четвёрка лидеров, представленных в Государственной Думе политических партий, шагающих рядом, плечом к плечу, впереди общей колонны, что подразумевало символ сегодняшнего единения. Целиком и полностью разделяя такую позицию, в особенности в том, что касается её пафосной, эмоциональной стороны, мы всё же рискнём заметить, что сегодня о единстве и консолидации российского общества можно говорить лишь применительно к внешнему фактору, каковым в настоящее время является беспрецедентное давление Запада на Россию. В полном соответствии с известным социологическим законом «групповой динамики» общество спланивается и консолидируется в ответ на идущие извне вызовы и угрозы. Но в корректности утверждения о том, что консолидация усиливается в результате успешного осуществления внутренних реформ в России, мы позволим себе усомниться. Повод для сомнения дают прежде всего свидетельства аномально высокой степени социально-экономического расслоения российского населения, о непропорциональном распределении «затягивания поясов» среди различных социальных групп и слоёв. По числу долларовых миллиардеров Россия, находящаяся в середине мирового списка государств по среднему душевому потреблению, занимает «почётное» второе место в мире после благополучных США и первое место в мире по темпам роста их количества, которое уверенно продолжает расти и в периоды мировых и внутренних экономических потрясений. В то же время количество бедных в нашей стране, сократившееся по сравнению с 90-ми гг. до уровня 14 процентов, если за основу подсчёта брать принятые в современной России потребительские стандарты, при пересчёте на американские и европейские стандарты составит не менее 60 процентов [1, С.55-57]. Предложение министра финансов РФ А. Силуанова не проводить в 2015 г. индексацию зарплат работникам бюджетной сферы в целях экономии бюджетных средств (при официально прогнозируемом уровне инфляции 20 %) вряд ли будет стимулировать процесс внутренней консолидации.

Более того, в результате резкого ухудшения экономической ситуации в России, вызванного антироссийскими санкциями Запада, логично предположить возможность нарастания протестной активности населения и снижения уровня доверия к правящей власти. Надо полагать, Российская власть готова к такому развитию событий и сделает всё возможное, чтобы направить эту возросшую протестную активность в легитимное, институциональное, диалоговое русло, не допустив реализации в России «майданного» (или по-русски, «болотного») сценария. Именно на такой сценарий, судя по всему, надеются г-н Обама и в ещё большей степени сенатор Маккейн и другие американские «ястребы», один из которых в начале февраля 2015 г. публично назвал В.В. Путина «бандитом», с которым можно разговаривать только на языке силы. Их расчёты простираются так далеко, что как вполне реальный рассматривается вариант нанесения удара по России «изнутри», когда «волна народного протеста» сметёт «антинародный путинский режим».

Очевидно, что сегодняшние российские проблемы невозможно решить методом мобилизационного рывка, здесь на первый план выходят задачи дальнейшего развития демократической модели политической системы, прежде всего в плане её институционального совершенствования.

Жёсткое социально-экономическое размежевание и гражданское противостояние, ставшие следствием экономической либерализации в форме «шоковой терапии», смог преодолеть (во всяком случае, смягчить и снизить до социально приемлемого уровня) только популярный лидерский режим с элементами харизмы всенародно избранного главы государства. Известный российский политолог П.А. Цыганков и ряд его единомышленников, взяв за основу типологию политических режимов аргентинского политолога О.Доннелла, а также введённое им в политическую науку понятие «гибридных» политических режимов, полагают, что наиболее адекватно сущность сегодняшнего российского режима может быть передана формулой *«делегативная демократия»*. Отдав свои голоса на президентских выборах за того или иного кандидата, избиратели тем самым делегируют ему право руководить страной в соответствии с его собственным пониманием стоящих перед обществом задач. В интерпретации В.В. Путина такой вариант политического режима получил не вполне корректное с научной точки зрения, но зато всем и каждому понятное обозначение: «мягкий авторитаризм». Эффективность такого режима была обусловлена, с одной стороны, наличием массовой поддержки внушительным большинством населения, а с другой – предоставлением с его стороны гарантий собственности и обеспечение личной безопасности новым «эффективным собственникам», унаследовавшим государственные средства производства в результате номенклатурной приватизации. Поэтому протестная активность проигравших в результате реформ слоёв населения в основном удерживалась в институциональных рамках и даже отдалённо не напоминала ту вакханалию беззакония и насилия, которая имела место в Египте и Ливии в ходе так называемой «арабской весны» 2011 - 2012 годов, а потом и на Украине в 2014 г. в процессе утверждения «майданного» варианта украинской «демократии».

Сегодня, однако, становится всё более очевидным, что лидерская модель близится к своему финалу, ибо она практически исчерпала свои возможности поддержания социально-политического равновесия в обществе и «отсекания» крайностей политического спектра. Бесспорной является также заслуга лидерского режима с его «вертикалью власти» в деле подавления регионального сепаратизма и ограничения рыночно-криминального беспредела 90-х гг., но и в этом отношении его потенциал оказался исчерпанным. Дальнейшее наращивание прерогатив главы государства и продолжение ставки на его высокий личностный рейтинг вполне реально может привести к установлению режима никем не контролируемой личной власти (например, по белорусскому образцу с поправкой на российские масштабы и российский менталитет), что по определению не совместимо с демократическими стандартами.

У нашей лидерской модели есть один принципиально важный изъян, который может самым фатальным образом сказаться на судьбе демократии в стране. Суть его можно достаточно наглядно прояснить, проведя сравнительный анализ американской и современной российской конституций. «Отцы-основатели» Соединённых Штатов Америки заложили конституционные основы всенародно избираемого и сильного Конгресса, автономия и прерогативы которого основываются на принципе *легитимности*. Автономия и прерогативы возглавляемой Президентом исполнительной власти базируются на принципе *эффективности*, что подразумевает высокую степень оперативности и действенности принимаемых ею решений. Фактическое, а не декларативное равновесие этих двух ветвей власти в США, равно как и их независимость друг от друга, не раз приводили к коллизиям в отношениях между Конгрессом и Президентом. Во времена «холодной войны» американские президенты, отнюдь не посягая на конституционные основы своего государства, тем не менее иногда (в неофициальном порядке) сетовали на то, что в ходе военно-политического противостояния с СССР, особенно в период кризисов, они вынужденно теряли время на бесконечные согласования с Конгрессом, в то время как советские лидеры были абсолютно свободны в своих решениях и действиях, поскольку не принимали всерьёз декоративный Верховный Совет. «Отцы-основатели» США предвидели возможность подобных коллизий, но тем не менее в долгосрочном плане посчитали легитимность более важным аргументом, чем конъюнктурная эффективность.

Творцы российской Конституции 1993 года поступили иначе. Достаточно скептически воспринимая доводы наших демократических идеалистов относительно априорного «демократического инстинкта» российских граждан, они, в отличие от «отцов – основателей» американского государства, сознательно отдали предпочтение президентской власти, поставив её по объёму и качеству полномочий впереди власти законодательной. К прерогативам Президента было, в частности, отнесено его право в известных случаях распускать Государственную Думу и назначать новые выборы, что не вполне согласуется с демократическим принципом подотчётности исполнительной власти законодательной, а значит – по более крупному счёту – не вписывается в фундаментальный, с точки зрения демократического идеала, принцип суверенитета народа. Это очевидное расхождение усугубляется тем, что силовые министерства РФ находятся в непосредственном ведении Президента, а некоторые другие достаточно важные управленческие структуры продублированы службами, подчинёнными опять-таки Президенту и недоступными для контроля со стороны законодательной власти.

Очевидно, что нашими реформаторами двигало вполне объяснимое желание максимально защитить демократического президента от нежелательного давления со стороны парламента, в состав которого по воле «несознательных» или «дезориентированных» избирателей могут попасть вовсе не обязательно только убеждённые демократы. Но при этом они, надо полагать, исходили из аксиоматической уверенности в абсолютной демократической благонамеренности всенародно избранного главы государства, который, кроме

всего прочего, является и гарантом нашей демократической Конституции. Как известно, и В.В. Путин, и Д.А. Медведев неоднократно проявляли себя именно в этом качестве. Так, Д.А. Медведев в ноябре 2010 г. продемонстрировал свою демократическую благонамеренность, наложив вето на принятые Думой поправки к Закону о митингах, предусматривавшие серьёзное ужесточение санкций против их участников, поскольку эти поправки нарушали конституционные права российских граждан.

Между тем, гарантий от возможной ошибки избирателей никто предоставить не может. И если избиратели однажды всё-таки сделают ошибочный выбор и верховная власть в стране окажется у лидера совершенно иного типа (карьериста, честолюбца, «авторитарной личности»), то будущее демократии в стране окажется под большим вопросом. Наши реформаторы «первой волны» сознательно отступили от либерально-демократического принципа совершенствования политической власти с помощью технологий, нейтральных в моральном и личностном отношении, обоснованных ещё в XVIII веке Ш. Монтескье в его концепции «разделения властей», и по сути реанимировали хорошо известный архетип российской политической культуры, сущность которого наиболее адекватно выразил Н.М. Карамзин: «Не законы, а люди важны». Думается, что понятие «национальный лидер», опирающееся не столько на формально-должностной, сколько на репутационный статус лидера, представляет собой явление из того же ряда.

Список литературы

1. Белых Е.Л. Приоритеты и проблемы российской модернизации. Орёл, ОГУ, 2015.
2. Бурлацкий Ф.М. Хрущёв. Штрихи к политическому портрету. «Литературная газета». 1988, № 8.
3. Никита Сергеевич Хрущёв. Материалы к биографии. М., 1989.
4. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить. «Известия», 16 января 2012 г.
5. Путин В.В. Нам нужна новая экономика. «Ведомости». 30 января 2012 г.
6. Путин В.В. Интервью российским и иностранным СМИ 18 января 2014 г. // [http; // www, kremlin. ru // news / 20080](http://www.kremlin.ru/news/20080).
7. Тощенко Ж.Т. Социология. М., 2002.

References

1. Belykh E.L. Priorities and challenges of Russia's modernization. Eagle, OSU, 2015.
2. Burlatskii F.M. Khrushchev. Strokes to political portrait. "Literary Gazette". 1988, № 8.
3. Nikita Khrushchev. Materials for the biography. M., 1989.
4. Putin V.V. Russia muscles up - the challenges to which we must respond. "Izvestia", 16 January 2012
5. Putin V.V. We need a new economy. "Vedomosti". January 30, 2012

6. Putin V.V. Interview of Russian and foreign media January 18, 2014 Mr. / [http://Www.kremlin.ru/news / 20080](http://Www.kremlin.ru/news/20080).
7. Toshchenko Z.T. Sociology. M., 2002.